

Родился 26 июля 1966 г. в Ленинграде. В 1985 г. закончил строительный техникум. Служил в армии, работал рабочим на стройках, в экспедициях, на заводе. После 1991 г. был дворником, продавцом, курьером, сторожем, рекламным и торговым агентом. Пять лет жил в маленьком таёжном посёлке. Занимался в студиях А.С. Кушнера и А.Г. Машевского. В 2000 г. вышла книга стихов «Свидетельство о бедности», в 2009 — «Непрочное небо», в 2014 — «Никто не виноват». Публикации в журналах «Звезда», «Арион», «Петрополь», «Новый журнал», «Крещатик», «Аврора», «Знамя», в коллективных сборниках и в интернете. В настоящее время живёт в г. Гатчина Ленинградской области.

Откроешь окно: гладиолусы, флоксы
 цветут, и тяжёлые, жёлтые осы
 пыльцу собирают. И кажется: нет
 на свете ни танков, ни страшных ракет,
 ни митингов, ни революций кровавых,
 а только вот эти полезные травы,
 кусты барбариса, старушки в очках
 (в прополке спецы, чтобы сад не зачах).
 Но вдруг затоскуешь, увидев: неистов
 на детской площадке разгром террористов
 ребенком одним, а другой — медсестра.
 У куклы оторваны ноги, дыра
 пробита гвоздём в голове... И куда нам
 со всей этой жизнью и смертью, с Кораном
 и запахом крови, и нефтью? Когда
 стемнеет, зажжётся над миром звезда,
 та самая, шли за которой в пустыне
 Волхвы со своими дарами простыми.
 И вот они видят: младенец лежит
 и ножками дрыгает. — Что нам, скажи,
 со всем этим делать?.. А вместо ответа —
 гу-гу и сю-сю, завывание ветра
 над крышей сарая, над бедной землёй.
 Но счастлива мать: «Это маленький мой!»

* * *

А земля здесь хорошая — только лопату воткнёшь:
 то берцовая кость, то проломленный череп, то челюсть.
 Урожай даёт и картошка, и свёкла, и рожь,
 а ещё тирания такая выходит, что прелесть!

Сколько их насчитаем: Иосиф, Иван, Николай,
 и Петра не забудем, на полки табачные глядя.
 А живём хорошо — за душой, так сказать, ни кола
 ни двора. Для философа, знаешь, подспорье, отрада.

Вот и любим застолье — по пьяному делу легко
 рассуждать о ворюгах, дорогах плохих, туалетах
 привокзальных (поскольку иных мы не знаем). Ого,
 мудрецы мы какие и судим на раз о поэтах!

Как сказал наш великий: пока не забили мне рот,
 благодарность одна... Мы понять эту шутку не в силах.
 А земля здесь хорошая — прутик воткнёшь — и цветёт.
 Хороши в сентябре урожайи на братских могилах!

Не старится-не лечится-не спит-
не ест-не замерзает-не тоскует,
но иногда свой чемодан пакует:
носки, сорочка, бритва... и летит!

И в этот час он думает, что жив,
что позади аресты и допросы
и, за четыре цельных папиросы
убить готовый, дружный коллектив.

И вот внизу Атлантика — сплошной
голубоглазый обморок природы.
И человек пьянеет от свободы —
в его улитке скрученной, ушной
звучит: «Мы все умоемся слезами...»
А где-нибудь в прокуренной Рязани,
нет, в городе безумном над Невой
глядит поэт мучительно окрест
и девятиэтажек видит крыши,
не спит-не улыбается-не дышит,
не моется-не бреется-не ест,
а только пишет, пишет,
пишет, пишет...

А после института он женился,
но не хотел детей и в абортарий
жену отправил. Жили как-то, смысла
не обнаружив. Трудно комментарий
писать к пустому месту. Пили оба,
а в двадцать пять он укололся. Бомба,
пожалуй, так не сносит целый дом.
Его с работы выперли, а следом
«Дерьмо», — жена сказала за обедом,
но он ей уколиться дал. На том
они и помирились. И пошло:
то ломка, то обоим хорошо,
то денег нет, увы. Но сделан выбор.
За дозу кайфа продали сервиз,
потом и холодильник, и карниз,
а там с доплатой съехали под Выборг.

Посёлок как посёлок: ну, дома
разбитые, но это ж не война!
Зато в лесу — грибы, в озёрах — рыба.
На радостях купили героин,
три пузыря водяры, и один
из них (не помню кто же) кипишнулся.
Всю ночь дрались, орали, и ножом
она пырнула дурика — ужом
он завертелся, вскрикнул — и ни пульса,
ни бешенства уже. Увы, загнулся.

Такое дело. В Сегежу она
казённый лес (а леса до хрена)
поехала пилить, и ей казалось,
что где-то в небе странная звезда
глядит, моргая, именно сюда
и всё поёт, поёт, как ей мечталось,
что ходят к югу где-то поезда,
что всё проходит в мире навсегда,
и что-то про любовь ещё и жалость.

* * *

Вырос дягиль на крыше сельмага,
тёплый дождик-плакун моросит.
Лес темнеет. Размокла бумага
на доске: «Продаётся РС».

В самом деле, не бык, не телёнок,
и под шум ошалевших берёз
льётся рэп из китайских колонок,
вьётся дым дорогих папирос.

А зимой все разъедутся. Станет
тихо-тихо в посёлке пустом.
Как писал бы Онегин Татьяна:
«Все несчастны. И очень притом».

Три горьких НЕТ, печалюсь, назови:
«НЕТ денег, НЕТ здоровья, НЕТ любви,
и страшно жить, и тяжело, и больно».
Задумайся об этом недовольно:
«Зачем всё так? За что нам этот мир?»
Как жаль, что на диване кошка м-р-р-р
мурчит и ничего не отвечает.
Но двадцать лет раздумий за плечами,
и дело, мой приятель юный, в том,
что мировой таинственный дурдом
не так уж плох, и есть ответ понятный.
Ты догадался, верно? Выплюнь мятный
комочек жевачки! «Все вы мудаки, —
ты говоришь, — вы лжёте вопреки
тому, что все вы — злые обезьяны...»
Да, в этом доля правды, но неожиданный
задам вопрос: «Вся жизнь и чехарда
чудная кем устроена?.. Ну да,
Он это всё без усталости рисует.
Его мы здесь не называем всуе!»